

Соотношение членов предложения и фразеологизмов в эрзянском языке

Л. П. Водясова

*Мордовский государственный педагогический
университет имени М. Е. Евсевьева,
г. Саранск, Российская Федерация,
LVodjasova@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматриваются фразеологические единицы, которые по семантике сближаясь со словом, структурно могут соответствовать таким синтаксическим конструкциям, как целое предложение, словосочетание (подчинительное или сочинительное) или падежно-последложное сочетание.

Цель: установить соотношения фразеологических единиц с членами предложения в составе синтаксических конструкций.

Материалы исследования: фразеологические единицы, извлечённые из двуязычных эрзянско-русских и фразеологических словарей; контексты с фразеологизмами из произведений художественной литературы мордовских авторов на эрзянском языке.

Результаты и научная новизна. В статье впервые в мордовском языкознании представлено соотношение членов предложения и фразеологических единиц на материале эрзянского языка. С использованием системно-функционального подхода в рамках методики контекстуального анализа проанализированы основные закономерности их синтаксического функционирования. Выделены фразеологизмы, соответствующие целому предложению, словосочетанию или падежно-последложному сочетанию. Указывается, что в полной мере фразеологизм раскрывается только в контексте, поэтому важным становится выявление его синтаксических функций. Анализ теоретического и иллюстративного материала позволил прийти к выводу о том, что он может выполнять функцию всех членов предложения. В наименьшей степени для него (даже для субстантивного фразеологизма) свойственна функция подлежащего, так как по своей семантике он чаще всего является предикатным словом, зато это позволяет ему часто функционировать в роли сказуемого. В составе предложения фразеологизм может изолироваться от других членов предложения, выполнять функцию обобщающего слова, входить в ряд однородных членов, создавать предикативные части в бессоюзных сложных предложениях, выступать в функции главной или придаточной части сложноподчинённого предложения.

Ключевые слова: синтаксическая конструкция, словосочетание, предложение, член предложения, фразеологизм, синтаксическая функция фразеологизма

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнёров по сетевому взаимодействию (Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева и Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева) по теме «Реализация функционально-семантического подхода при изучении синтаксических единиц в школьном и вузовском курсах родного языка».

Для цитирования: Водясова Л. П. Соотношение членов предложения и фразеологизмов в эрзянском языке // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 2 (57). С. 258–266.

Correlation of parts of a sentence and phraseological units in the Erzya language

L. P. Vodyasova

*Mordovian State Pedagogical University,
Saransk, Russian Federation,
LVodjasova@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article considers phraseological units (semantically close to a word), which can structurally correspond to such syntactic constructions as a whole sentence, a phrase (subordinating or coordinating) or a case-postpositional combination.

Objective: to establish correlations of phraseological units with members of a sentence as part of syntactic constructions.

Research materials: phraseological units extracted from bilingual Erzya-Russian and phraseological dictionaries; contexts with phraseological units from works of fiction by Mordovian authors in the Erzya language.

Results and novelty of the research: for the first time in Mordovian linguistics, the article presents the correlation of members of a sentence and phraseological units on the material of the Erzya language. Using a system-functional approach

within the contextual analysis methodology, the main patterns of the syntactic functioning of phraseological units are analyzed. Phraseological units corresponding to a whole sentence, phrase or case-postpositional combination are fixed. It is indicated that a phraseological unit is fully revealed only in context, so identifying its syntactic functions becomes important. Analysis of theoretical and illustrative material allowed us to come to the conclusion that it can perform the function of all members of a sentence. To the least extent (even for a substantive phraseological unit), it has the function of a subject, since in its semantics it is most often a predicate word, but this allows it to often function as a predicate. As part of a sentence, a phraseological unit can be isolated from other members of the sentence, perform the function of a generalizing word, be included in a number of homogeneous members, create predicative parts in conjunctionless complex sentences, act as the main or subordinate part of a compound sentence.

Key words: syntactic construction, phrase, sentence, member of a sentence, phraseological unit, syntactic function of a phraseological unit

Acknowledgements: the research has been performed within the grant for scientific research works on the priority focus areas of scientific activity of the partner higher educational institutions in network interaction (I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University and Mordovian State Pedagogical University) on the topic “Implementation of the functional-semantic approach in the study of syntactic units in school and university courses of the native language”.

For citation: Vodyasova L. P. Correlation of parts of a sentence and phraseological units in the Erzya language // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2024; 14 (2/57): 258–266.

Введение

В любом языке, помимо слов, существуют сочетания слов – свободные и несвободные. В свободном сочетании (словосочетании) сохраняются самостоятельные лексические значения всех входящих в него компонентов, в несвободных – лексическая самостоятельность одного из них ослаблена или утрачена, словосочетание приобретает характер фразеологизма. Свободные сочетания слов образуются по имеющимся в языке образцам, а фразеологизмы память хранит в готовом виде и по мере необходимости воспроизводит их в речи: *витем пря* ‘оправдываться’ (Здесь и далее перевод примеров на русский язык наш – Л. В.), *кайвомс сельмес* ‘выделяться’, *лавцоемс кель (курго)* ‘болтать’, *ледемс мельс (превс)* ‘вспомнить’, *молемс пуло песэ* ‘отставать’, *пенчень-кундынь пес* ‘от мала до велика’, *кирдемс мельсэ* ‘помнить’, ‘держат в голове’, *прянь-полдань синдезь* ‘очень быстро (двигаться)’ и т. д.

Фразеология всегда была актуальным объектом лингвистического исследования. Это связано с тем, что в её единицах скрыта национальная ментальная и культурная специфика, которая своей загадочностью и неисчерпаемыми возможностями неустанно привлекает учёных разных направлений.

Как самостоятельная лингвистическая дисциплина фразеология в российском языкознании была заложена ещё в 40-х гг. XIX в. Её фундаментальные положения отражены в исследованиях И. И. Срезневского, А. А. Потебни, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, Е. Д. Поливанова и др.

В настоящее время теоретические и прикладные аспекты фразеологии продолжают

активно разрабатываться, фразеологические единицы становятся предметом рассмотрения не только в собственно лингвистическом (функционально-семантическом, парадигматическом и синтагматическом и т. д.), но и лингвокультурологическом, когнитивном, контрастивном аспектах [17; 18; 20; 22].

В отечественном финно-угорском языкознании интерес к фразеологическим исследованиям возник гораздо позже, примерно в 60–70 гг. XX в. (отметим, правда, что в финском языкознании отдельные работы начали появляться уже XVI в., венгерском – со второй половины XVIII – начала XIX вв. (см. об этом, например, монографию А. В. Егорова «Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской)» (2011) [6]). Различные аспекты фразеологии на материале отдельных финно-угорских языков отражены в работах Ф. Т. Грачевой (1977), вышеупомянутого А. В. Егорова (2010; 2011), А. Е. Китикова (2004), А. И. Кузнецовой (2001), В. Н. Соловар (1999), О. А. Поповой (2010), М. В. Соколовой (2015), В. Ф. Федотовой (1985, 1994, 2000), Е. С. Якимовой (1975) и др. Фразеологические единицы учёными рассматриваются с точки зрения структуры и лексико-грамматической специфики. Наибольший интерес у них вызывают единицы с компонентами-соматизмами [4; 5; 6; 11].

История изучения мордовской фразеологии начинается с работ Р. С. Ширманкиной. В её научных статьях [14; 15] и в особенности кандидатской диссертации [12] подробно исследуется семантика мордовских (мокшанского, эрзянского) фразеологических единиц, представлена их структура и грамматическая характеристика. Большую роль для развития

науки сыграл её «Фразеологический словарь мордовских (мокша и эрзя) языков», изданный в 1973 г. [13]. Через несколько лет этот словарь переиздается в новой модификации и получает название «Фразеологиянь валкс: Кемекставозь меревксэнь» (1998). Этот вариант содержит только эрзянские фразеологизмы и ориентирован на учащихся общеобразовательных школ, учителей, писателей, работников масс-медиа [16]. По аналогии с ним был создан «Мокшень кялень кевонзаф валсюлмонь валкс» («Фразеологический словарь мокшанского языка») (авторы – Н. А. Кулакова, В. Ф. Рогожина, 2013) [7].

В последние годы активно издаются работы сравнительно-сопоставительного плана. Интерес, прежде всего, вызывает кандидатская диссертация Г. И. Денисовой (2003), в которой впервые в мордовском языкознании сделан сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентами-соматизмами в двух неродственных языках – эрзянском и немецком [4]. Сравнительный анализ фразеологических единиц с зоокомпонентами «домашнее животное» [8] и «дикое животное» [9] в родственных мордовских и финском языках представлен Н. М. Мосиной. Весьма полезным для мордоведов представляется работа «Phraseologia morduinica», подготовленная под редакцией финского учёного Мартти Кахла. Она содержит перечень из 930 эрзя-мордовских фраз, идиом и других выражений с русскими, эстонскими и финскими соответствиями [19]. В научных статьях мордовских авторов находят отражение фразеологизмы как языковые носители этнокультурной информации [1], их структурно-семантические особенности в диалектах эрзянского языка [10].

Таким образом, мордовская фразеология неоднократно становилась предметом исследований, однако синтаксические функции фразеологизмов, их соотношение с членами предложения до настоящего времени не становились предметом исследования, что говорит об актуальности нашей темы.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили фразеологические единицы, извлечённые из двуязычных эрзянско-русских словарей, работ Р. С. Ширманкиной «Фразеологический словарь мордовских (мокша и эрзя) языков» (1973) [13] и «Фразеологиянь валкс: Кемекста-

возь меревксэнь» (1998) [16], а также текстов художественной литературы мордовских авторов на эрзянском языке. При переводе значение фразеологизма по возможности сохраняется максимально. В тех случаях, когда адекватный перевод невозможен, он представлен как свободное сочетание или отдельное слово.

В работе используется системно-функциональный подход к изучению языка, в рамках которого наиболее актуальной является методика контекстуального анализа. Его процедура предполагает анализ соотношения членов предложения и фразеологизмов. Важную роль также играют метод сплошной выборки, осуществляемый для отбора необходимого иллюстративного материала, а также метод систематизации, применяемый для описания представленного теоретического материала.

Результаты

В эрзянском языке фразеологизмы, будучи семантически близкими слову, структурно могут соответствовать таким синтаксическим конструкциям, как:

1) целое предложение:

а) двусоставное (нераспространённое или распространённое): *ве Верепаз соды* ‘один Всевышний (Бог) знает’; *превем велить (чарыть)* ‘голова [моя] кружится (вертится)’; *седеес ойми (оймась)* ‘сердце успокоится (успокоилось)’; *поколь кузь кирьганарьс* ‘кусок встал (букв.: влез) в горло’; *кельме коткудавт тусть (чийнезевсть, ютасть, яказевсть) кутьмерьга (рунгова)* ‘холодные муравьи пошли (забегали, прошли, заходили) по спине (телу)’;

б) односоставное (нераспространённому или распространённому): *а вечкемс сельмес* ‘терпеть не мочь (букв.: не любить до глаз)’; *аштемс седейсэ* ‘нравиться (букв.: быть (находиться) в сердце)’; *прамс вал (валонь) трокс* ‘противоречить (букв.: упасть через слово)’; *келемтемс кедть* ‘развести руками (букв.: руки)’.

Такие фразеологизмы часто выступают в функции самостоятельной коммуникативной единицы. В своём составе они, как указывает А. В. Егоров, содержат «интонационные, предикативные и модальные признаки формирования коммуникативной единицы» [6, 145]. Их семантическая целостность не является постоянной и неизменной языковой величиной, соответственно они сохраняют способность к

распространению и вариации форм: *a вечкса весе сельмес* ‘терпеть не могу (букв.: не люблю до всех глаз)’; *анилевиця поколь кузь кирьга-парезэнь* ‘не проглатываемый кусок в [моё] горло встал (букв.: влез)’; *преветь велить (чарыть)* ‘голова [твоя] кружится’; *сонзэ превензэ велить (чарыть)* ‘его голова кружится’;

2) словосочетание:

а) подчинительное: *аломанень пона* ‘нечеловеческий облик’; *седеень тевть* ‘сердечные дела’; *синтремс ирдекст* ‘побить (букв.: ломать рёбра)’; *совамс грехс (нежетьс)* ‘согрешить (букв.: войти в грех)’; *сускомс кель* ‘прикусить язык’; *таргамс ойме* ‘вздохнуть (букв.: вытянуть душу)’ и т. п. Подчинительное словосочетание и фразеологизм могут иметь общую структуру: а) имя существительное в номинативе + имя прилагательное: *скалонь ловсо* ‘коровье молоко’ – *нармунень ловсо* ‘птичье молоко’; б) глагол + имя существительное в генитиве с послелогом: *неемс вальманть пачк* ‘видеть сквозь окно’ – *неемс моданть пачк* «видеть сквозь землю»; в) глагол + имя существительное в элативе: *ильтямс ошов* ‘проводить в город’ – *ильтямс тоначив* ‘проводить на тот свет’, ‘похоронить’; г) глагол + наречие: *весть меремс* ‘один раз сказать’ – *весть сельгемс* ‘раз плюнуть’; д) глагол + деепричастие: *кедте кундазь* ‘взявшись за руки’ – *пекень кундазь* ‘схватившись за живот’ и т. д. В состав фразеологизма может входить больше двух слов: *баня кече сельме* ‘глаз с банный ковш’; *максомс оймень таргамо* ‘дать отдохнуть (букв.: дать душу вытянуть)’; *чаво мешоксо вачкодезь* ‘пустым мешком стукнутый’. Он может быть образован и на базе цельных словосочетаний: *ве валсо* ‘одним словом’; *валдо (валсто) валс* ‘от слова до слова’; *прясто пильгс* ‘с головы до ног’; *вейкень (вейкенк, вейкест) пес* ‘до единого’; *пингедэ пингес* ‘от века в век’;

б) сочинительное: *a кулозь a жив* ‘ни жив ни мёртв’; *a чить a веть* ‘ни днём ни ночью’; *a ускозь a сускозь* букв.: ‘ни таща, ни кусая’; *a тей a тов* ‘ни туда и ни сюда’; *a превс a седейс* ‘ни в голову ни в сердце’;

3) падежно-послеложное сочетание (словоформа): *коня алга* ‘исподлобья’; *пеень пачк* ‘сквозь зубы’; *сельме икеле* ‘на глазах’; *судо ало* ‘под носом’, *судо алдо* ‘из-под носа’, *суронь пачк* ‘сквозь пальцы’ и т. п.

Следует отметить, что фразеологизм в полной мере раскрывается только в контексте, по-

этому важным становится рассмотрение его синтаксического функционирования [2, 2138–2144]. В эрзянском языке он может выполнять функцию любого члена предложения.

Так, субстантивные фразеологизмы могут выступать в роли подлежащего: *Но кува-ка кельтне эрва ладсо поладсть те кулянтъ* (А. Лукьянов) ‘Но длинные языки по всякому передавали эту новость’; *Вана понгсь лаужа келесь* (А. Щеглов) ‘Вот попался болтун (букв.: мутовка+язык [этот])’. Однако в функции подлежащего фразеологизмы, даже субстантивные, используются редко, так как в большинстве случаев по своей семантике они являются предикатными словами, поэтому функция сказуемого для них более обычна: *Те атьась – сыр-нень седей* (А. Щеглов) ‘Этот старик – золотое сердце’; *Валдо ойме... тон* (А. Щеглов) ‘Светлая душа ты...’; – *Ды уш аволь кодамояк пазе пря*, – *ёвтызе валонзо Маркин* (А. Мартынов) ‘– Да уж не какая-нибудь посконная голова, – сказал [своё] слово Маркин’. Субстантивные фразеологизмы встречаются и в роли обращения: – *Куроксто седе велявтнеде, варьга кургом!* – *рангстась полковникесь* (П. Прохоров) ‘– Быстрее поворачивайтесь, ротозей (букв.: варежкины рты)! – крикнул полковник’; *Пурнак-сэрняк, азё, нузякс кандо, ведьгевев*, – *мурнезь мерсь Уля* (А. Куторкин) ‘Собирайся, иди, ленивая колода, на мельницу, – ворча сказала Уля’. Фразеологизмы *ве валсо* ‘одним словом’, *лангс ваномс (ванозь)* ‘на первый взгляд’ и некоторые другие могут быть изолированы от других членов предложения и выполнять функцию вводного словосочетания: *Ве валсо, эрывать прядомс неть аэрявикс кортамонтень* (А. Мартынов) ‘Одним словом, надо закончить эти ненужные разговоры’; *Локионь ды цётмаронь азоронтень, лангс ваномс, максат ниленьгеменьшка иеть...* (К. Абрамов) ‘Хозяину кнута и дубинки, на первый взгляд, дашь примерно сорок лет...’. Особенно часто фразеологизмы являются сказуемыми: *...чарасть-велясть сынъ виреть потмова, ливт-нестъ вармакс сынъ овтонъ китнева...* (В. Радаев) ‘...крутились-вертелились они по лесу, летали ветром они по медвежьим тропам...’; *...а карматано молеме мелензэ каршо* *куломандонзо мейляк* (К. Абрамов) ‘... не будем идти против [его] желания и после его смерти’; *Но ялатеке ломантне сурсо невтнить* (А. Лукьянов) ‘Но всё равно люди пальцем показывают’;

Зярдод од цѣрат пансить мельганзо, / Сестэ покикавтни, седе парт учи (В. Радаев) ‘Когда молодые парни ухаживают (букв.: гоняются за ней), / Тогда важничает, лучше ждѣт’. Нередки фразеологизмы в роли второстепенных членов: 1) определения: Кувака кель аватне яла кортасть, прок кодст кодасть (Никул Эркай) ‘Длинноязыкие женщины всё говорили, словно холст ткали’; 2) дополнения: Кие а пели ломань сельмеде... (В. Радаев) ‘Кто не боится чужого глаза...’; 3) обстоятельств разных разрядов: а) места: Ламот эйтэст ульнесь чавнозь, остаткаст орголесть ды кекшинесть кинень ков понгсь (П. Прохоров) ‘Многие из них были убиты, остальные убежали и попрятались куда попало’; б) времени: ...мерсь авась ды оймась пингде пингес (В. Горбунов) ‘... сказала мать и успокоилась навечно (букв.: из века в век)’; в) образа действия: ...Лина ... виде-паро мельсэ советовась тень кундамс авантевс (В. Платонов) ‘...Лина ... от души (букв.: с правильными-хорошими мыслями) советовала мне взяться за женское дело’; г) меры и степени: ...сеске жо Прокопыч кроизе [Лавгиновонь] прясто пильгс (В. Коломасов) ‘...сразу же Прокопыч обматерил [Лавгинова] с головы до ног’.

Отдельные фразеологизмы в зависимости от контекста могут выполнять функции разных членов предложения. Так, субстантивный фразеологизм лавшио седей ‘слабохарактерный (букв.: слабое сердце)’ может выступать в роли подлежащего, сказуемого, определения и дополнения: Понги сынест лавшио седей, сельведьс ракесызь (В. Горбунов) ‘Попадёт им слабохарактерный, до слѣз обсмеют’; Ломанесь мон лавшио седей (А. Куторкин) ‘Человек я слабохарактерный’; Лавшио седей бабась а кунсолы Матрянь эйсэ... (А. Куторкин) ‘Слабохарактерная бабушка не слушает Матрью (Матрёну)...’; Лавшио седейкс нинзэ лови сонсь Панов Вадим Петрович (А. Куторкин) ‘Слабохарактерной жену считает сам Панов Вадим Петрович’.

Ряд фразеологизмов отличаются синкретизмом. В зависимости от желания коммуниканта в предложении один и тот же фразеологизм можно квалифицировать как разный член предложения. Так, например, в следующем предложении: Мон кортан минек овтонь уголсо эрямонь лувдонть (А. Щеглов) ‘Я говорю о смысле жизни в нашем медвежьем углу’

фразеологизм овтонь уголсо ‘в медвежьем углу’ – обладает явным синкретизмом, его можно определять и как определение, и как обстоятельство места.

Фразеологизмы могут выполнять функцию обобщающего слова: ...монсь оймавтса седе-еть: пиземе ведьсэ ильяса апарат, инзей тентьсэ ванськавтса стакалгавтозь рунгинеть (Никул Эркай) ‘... я сам успокою [твоѣ] сердце: дождевой водой смою нехорошее, малиновым венником вычищу отяжелевшее тельце’; Ветолсо палынек: моданть лангс валынек – сонтев пингень ливезь, мон солдатонь верь (Пѣтр Гайни) ‘В одном огне горели: на землю лили – он трудовой пот, я кровь солдата’. Они могут создавать ряды однородных членов предложения, входить в ряд однородных членов с не фразеологизмами: Эвтат тензэ каршо вал – дубушки сти, педлейкс педи, чоп а кадтанзат (В. Платонов) ‘Скажешь ему слово против – на дубки встаѣт, пиявкой вцепится, целый день не оставит’, а также создавать предикативные части в бессоюзных сложных предложениях: ¹Маитнесь виезэ, ²чарасть превензэ, ³эзизь кунсоло яки пильгензэ, ⁴буто штатолокс кармась соламо (В. Радаев) ‘Иссякала [его] сила, кружилась голова, не слушались ходячие [его] ноги, словно свеча начал таять’; ...маитсь вием, маитсть превень... (В. Радаев) ‘...иссякли [мои] силы, иссяк [мой] разум...’, выступать в функции главной части сложноподчинѣнного предложения с придаточным изъяснительным: Ве Верепазось соды, косо вадрьась, – уктась сон [Стяпан]... (К. Абрамов) ‘Один Всевышний знает, где хорошее, – вздохнул он [Стяпан]...’, сравнительной придаточной части сложноподчинѣнного предложения: Мекс тынь чатьмонтядо, прок ведь кургозонк пурныде? (П. Кириллов) ‘Что вы молчите, словно воды в рот набрали?’.

Фразеологизмы, обладая разной степенью близости к слову и словосочетанию, являются тем своеобразным мостиком, который соединяет их. Многие из них возникли из свободных сочетаний слов, поэтому степень спаянности их компонентов различна. Различна и степень их близости к слову. Так, в предложении, включающем семантически неделимый предикативный центр, нельзя выделить подлежащее и сказуемое как структурно-семантические компоненты предложения со значением производителя действия и самого действия

[3, 607–615; 21, 174–180], однако в нём можно выделить структурную схему фразеологизма и отметить её семантическую нечленимость. В таких предложениях могут быть обозначены второстепенные члены, если они не входят в состав фразеологизма: *Мезть ансяк эзь сакшно Захаронь пряс неть кемень суткатненъ перть...* (А. Щеглов) ‘Что только не приходило в голову Захара за эти десять суток...’; *Пиштяка эйкашонь вановтось токизе авань седеенть* (Т. Раптанов) ‘Мученический взгляд ребёнка тронул сердце женщины’; *Вейке трёшникте оймест шайтяннень макссызь кенярдозь...* (В. Радаев) ‘За одну копейку душу чёрту отдадут с радостью’.

В тексте фразеологизм может «оживляться», при этом каждый его компонент может приобретать значение члена предложения. Отметим, что «оживление» фразеологизма или его отдельных компонентов – одно из средств художественной выразительности. В состав фразеологизма могут включаться новые слова, что даёт неожиданный семантический эффект, так как значения отдельных слов дополняют и оттеняют друг друга, что помогает усилить эффект воздействия на читателя: *...дошужт редакциянь цёратне, а усковить эрямонтъ пуло песэ – рядсек мартонзо эскелить, – шиньзе секретаресь газетань нолдыцятненъ* (А. Мартынов) ‘...заботливы редакционные парни, не тянутся в хвосте жизни – рядом с ним шагают, – похвалил секретарь выпускающих газету’. Иногда автор перенасыщает образ героя фразеологизмами, демонстрируя его особый эмоциональный настрой. Так, например, мордовский писатель Ф. М. Чесноков, характеризуя одну из героинь (Лёса из рассказа «Наксадозь пизэ» («Сгнившее гнездо»)) неоднократно вводит в канву повествования фразеологизм *ваномс мель* ‘угодать, почитать, ухаживать (букв.: смотреть желание / стремление)’ в функции сказуемого и его вариант *мелень ваном* ‘угодение, почитание’ в функции подлежащего: *А истямоль Лёса. Эзь стувтово тейтерьксчизэ. Аволь сон вансь ломань мельть, сонзэ од цёратне ваньзь мелензэ, теке мекшавань. Саловсто марявсь Лёсанень ломань мелень ваномась. Ломань мельтне пек мелькшевь, ломань кортнэ пек коркшовт. Седеяк а вановить сюпавонь мельтне...* (Ф. Чесноков) ‘Не такая была Лёса. Не забылось [ей её] девичество. Не она угождала людям, молодые

парни угождали ей, словно пчелиной матке. Солёным казалось Лёсе угождение людям. Людские желания многожеланные, людские характеры многохарактерные. Ещё тяжелее угодить богатеям...’. Функция фразеологизма *ваномс мель* ‘угодать, почитать, ухаживать’ (*мелень ваном* ‘угодение, почитание’) в этом тексте – экспрессивная, индивидуализирующая состояние героини в данный момент. Стилистический компонент сохраняет смысловой план высказывания, однако добавляет прагматическую составляющую – сообщение читателю сведений об эмоционально-психологическом состоянии героини. В поэтический текст фразеологизмы приносят своеобразную приподнятость, торжественность, см., например, у Д. Т. Надькина в стихотворении «Нармунь ловсо мельга» («За птичьим молоком»): *Мейле [авам] кудос совавтсамам; / Аёвтавикс кенярком: / Ней нармунь ловсодо симан, / Ривезькень кишиде ярсан* (Д. Т. Надькин) ‘Потом [мама] в дом [меня] заведёт; / Несказанная радость [моя]: / Теперь птичье молоко [я] пью, / Лисичкин хлеб ем’.

Обсуждение и заключение

Таким образом, эрзянский фразеологизм, по семантике сближаясь со словом, по своей структуре может выступать в качестве самостоятельной коммуникативной единицы, соответствуя целому предложению (двусоставному или односоставному), выполнять функцию словосочетания – подчинительного или сочинительного, а также падежно-последложного сочетания.

В составе предложения фразеологизм может выполнять функцию любого члена предложения – главного (подлежащего или сказуемого) или второстепенного (дополнения, определения (эта функция свойственна только субстантивному фразеологизмам), обстоятельств нескольких разрядов – места, несколько реже – образа действия, меры и степени, ещё реже – времени). Однако в наибольшей степени фразеологизмы используются в роли сказуемых, что объяснимо, так как по своей семантике они чаще всего являются предикатными словами. Отдельные фразеологизмы в контексте выполняют функции синтаксических конструкций, грамматически не связанных с членами предложения и используются в роли обращений и вводных словосочетаний. Они могут выступать в роли обобщающего слова, входить

в ряд однородных членов с не фразеологизмами, создавать предикативные части в бессоюзных сложных предложениях, выступать в функции главной или придаточной части сложноподчинённого предложения.

Мордовские писатели часто вводят в канву своих произведений фразеологизмы с различными компонентами, используя их как активное и эффективное средство художественной выразительности.

Список источников и литературы

1. Богдашкина С. В., Маскаева В. А., Маскаева С. А. Структурно-семантические особенности мокшанских фразеологизмов фольклорного происхождения // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2022. № 4. С. 18–22.
2. Водясова Л. П. Синтаксические функции инфинитива в современном эрзянском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 7. С. 2138–2144. DOI: [10.30853/phil20230320](https://doi.org/10.30853/phil20230320).
3. Водясова Л. П., Иванова Г. С. Неактуализированные и актуализированные члены предложения в современном эрзянском языке // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 4 (51). С. 607–615.
4. Денисова Г. И. Соматические фразеологические единицы эрзянского и немецкого языков (сопоставительный анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2003. 18 с.
5. Егоров А. В. Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010. 19 с.
6. Егоров А. В. Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской). Екатеринбург; Ижевск: УрО РАН, 2011. 200 с.
7. Кулакова Н. А., Рогожина В. Ф. Мокшень кялень кевонзаф валсюлмонь валкс. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 200 с.
8. Мосина Н. М. Сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом «домашнее животное» в мордовских и финском языках // Этническая культура. 2022. Т. 4. № 3. С. 31–36. DOI [10.31483/r-103508](https://doi.org/10.31483/r-103508).
9. Мосина Н. М. Сравнительный анализ фразеологических единиц с зоокомпонентом «дикое животное» в мордовских и финском языках // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 1. С. 103–111.
10. Натуральнова Г. А. Структурно-семантические особенности именных фразеологизмов в шокшанском диалекте эрзянского языка // Вестник угроведения. 2019 Т. 9. № 1. С. 53–60.
11. Фокина А. А. Фразеологизмы с соматическим компонентом голова / вуй / head в разноструктурных языках (на материале русского, марийского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2016. 24 с.
12. Ширманкина Р. С. Фразеология мордовских языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1970. 24 с.
13. Ширманкина Р. С. Фразеологический словарь мордовских (мокша и эрзя) языков. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1973. 222 с.
14. Ширманкина Р. С. Сопоставительная характеристика фразеологических единиц с компонентами «сердце», «душа» в русском и мордовских языках // Вопросы лексикологии финно-угорских языков. Саранск: [б. и.], 1989. С. 89–97.
15. Ширманкина Р. С. Лексикализация фразеологических единиц в эрзянском языке // Лексика и грамматика финно-угорских языков. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1996. С. 73–77.
16. Ширманкина Р. С. Фразеологиянь валкс: Кемекставозь меревксэнь. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. 216 с.
17. Aimagambetova M., Suleimenova E. The transformation of phraseological units in the headline constructions // Man in India. 2017. Т. 97. № 21. Pp. 331–344.
18. Milkova A. A., Erofeev Yu. V., Yao S. Phraseological units and their contextual usage in the formation of Ray Bradbury's individual style // Journal of Critical Reviews. 2020. Т. 7. № 7. Pp. 517–523.
19. Phraseologia morduinica: Valikoima ersämordvalaisia fraaseja, idiomeja ja muita sanontoja venäläisin, virolaisin ja suomalaisin vastinein (n. 930 sanontaa) / Vastaava toimittaja Martti Kahla. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2010. 140 p.
20. Prokopieva S. M., Gavriliev S. L. Perceptive phraseological units in paradigmatics of yakut and mongolian // Knowledge, Man and Civilization – ISCKMC 2022. Proceedings of International Scientific Congress: “European Proceedings of Social and Behavioural Sciences”. London: European Publisher Ltd., 2022. Pp. 480–488.
21. Vardanyan L. V., Vodyasova L. P., Kashtanova I. I. Representation of the Concept of SAFETY in the English-Language Media Discourse // International Journal of Applied Exercise Physiology. 2020. Vol. 9. № 2. Pp. 174–180.
22. Zykova I. V. Cognitive factors regulating reproducibility of phraseological units in discourse: from linguistic creativity to experimenting in language // Reproducibility and variation of figurative expressions: Theoretical aspects and applications. Bialystok: University of Bialystok Publishing House, 2020. Vol. V. Pp. 121–143.

References

1. Bogdashkina S. V., Maskaeва V. A., Maskaeва S. A. *Strukturno-semanticheskie osobennosti mokshanskih frazeologizmov fol'klornogo proiskhozhdeniya* [Structural and semantic features of Moksha phraseological units of folklore

- origin]. *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psihologiya* [Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology], 2022, no. 4, pp. 18–22. (In Russian)
2. Vodyasova L. P. *Sintaksicheskie funktsii infinitiva v sovremennom erzyanskom yazyke* [Syntactic functions of the infinitive in the modern Erzya language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2023, no. 16 (7), pp. 2138–2144. DOI: 10.30853/phil20230320. (In Russian)
3. Vodyasova L. P., Ivanova G. S. *Neaktualizirovannye i aktualizirovannye chleny predlozheniya v sovremennom erzyanskom yazyke* [Non-actualized and actualized members of a sentence in the modern Erzya language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (4/51), pp. 14–22. (In Russian)
4. Denisova G. I. *Somaticheskie frazeologicheskie edinicy erzyanskogo i nemeckogo yazykov (sopostavitel'nyj analiz)* [Somatic phraseological units of the Erzya and German languages (comparative analysis)]. Saransk, 2003. 18 p. (In Russian)
5. Egorov A. V. *Udmurtskaya somaticheskaya frazeologiya (v sopostavlenii s vengerskoj)* [Udmurt somatic phraseology (in comparison with the Hungarian)]. Izhevsk, 2010. 19 p. (In Russian)
6. Egorov A. V. *Udmurtskaya somaticheskaya frazeologiya (v sopostavlenii s vengerskoj)* [Udmurt somatic phraseology (in comparison with the Hungarian)]. Yekaterinburg; Izhevsk: UrO RAN Publ., 2011. 200 p. (In Russian)
7. Kulakova N. A., Rogozhina V. F. *Mokshen' kyalen' kevonzaf valsylmon' valks* [Phraseological dictionary of the Moksha language]. Saransk: Izd-vo Mordovskogo universiteta Publ., 2013. 200 p. (In Mordovian-Moksha)
8. Mosina N. M. *Sravnitel'nyj analiz frazeologicheskikh edinic s komponentom-zoonimom "domashnee zhitnoe" v mordovskikh i finskom yazykah* [Comparative analysis of phraseological units with the zoonymic component "pet" in the Mordovian and Finnish languages]. *Etnicheskaya kul'tura* [Ethnic Culture], 2022, no. 4 (3), pp. 31–36. DOI 10.31483/r-103508. (In Russian)
9. Mosina N. M. *Sravnitel'nyj analiz frazeologicheskikh edinic s zookomponentom "dikoe zhitnoe" v mordovskikh i finskom yazykah* [Comparative analysis of phraseological units with the animal component "wild animal" in the Mordovian and Finnish languages]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (1), pp. 103–111. (In Russian)
10. Naturalnova G. A. *Strukturno-semanticheskie osobennosti imennykh frazeologizmov v shokshanskom dialekte erzyanskogo yazyka* [Structural and semantic features of the nominal phraseological units in the Shoksha dialect of the Erzya language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9, (1), pp. 53–60. (In Russian)
11. Fokina A. A. *Frazeologizmy s somaticheskim komponentom golova / vuj / head v raznostrukturnykh yazykah (na materiale russkogo, marijskogo i anglijskogo yazykov)* [Phraseological units with the somatic component head / vui / head in differently structured languages (based on the material of the Russian, Mari and English languages)]. Yoshkar-Ola, 2016. 24 p. (In Russian)
12. Shirmankina R. S. *Frazeologiya mordovskikh yazykov* [Phraseology of the Mordovian languages]. Tartu, 1970. 24 p. (In Russian)
13. Shirmankina R. S. *Frazeologicheskij slovar' mordovskikh (moksha i erzya) yazykov* [Phraseological dictionary of the Mordovian (Moksha and Erzya) languages]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1973. 222 p. (In Russian)
14. Shirmankina R. S. *Comparative characteristics of phraseological units with the components "heart", "soul" in Russian and Mordovian languages* [Comparative characteristics of phraseological units with the components "heart", "soul" in the Russian and Mordovian languages]. *Voprosy leksikologii finno-ugorskih yazykov* [Issues of lexicology of Finno-Ugric Languages]. Saransk: [w/p], 1989. Pp. 89–97. (In Russian)
15. Shirmankina R. S. *Leksikalizaciya frazeologicheskikh edinic v erzyanskom yazyke* [Lexicalization of phraseological units in the Erzya language]. *Leksika i grammatika finno-ugorskih yazykov* [Vocabulary and grammar of the Finno-Ugric languages]. Saransk: Izdatelstvo Mordovskogo universiteta Publ., 1996. Pp. 73–77. (In Russian)
16. Shirmankina R. S. *Frazeologiyany' valks: Kemekstavoz' merevksen'* [Phraseological dictionary: Lexical phrases]. Saransk: Mordovskoe kn. izd-vo Publ., 1998. 216 p. (In Mordovian-Erzya)
17. Aimagambetova M., Suleimenova E. The transformation of phraseological units in the headline constructions. *Man in India*, 2017, no. 97 (21), pp. 331–344. (In English)
18. Milkova A. A., Erofeev Yu. V., Yao S. Phraseological units and their contextual usage in the formation of Ray Bradbury's individual style. *Journal of Critical Reviews*, 2020, no. 7 (7), pp. 517–523. (In English)
19. *Phraseologia morduinica: Valikoima ersämordvalaisia fraaseja, idiomeja ja muita sanontoja venäläisin, virolaisin ja suomalaisin vastinein (n. 930 sanontaa)*. Vastaava toimittaja Martti Kahla. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2010. 140 p. (In Erzya, Russian, Estonian, Finnish)
20. Prokopieva S. M., Gavriliev S. L. Perceptive phraseological units in paradigmatics of yakut and mongolian. *Knowledge, Man and Civilization – ISCKMC 2022. Proceedings of International Scientific Congress: "European Proceedings of Social and Behavioural Sciences"*. London: European Publisher Ltd., 2022. Pp. 480–488. (In English)
21. Vardanyan L. V., Vodyasova L. P., Kashtanova I. I. Representation of the Concept of SAFETY in the English-Language Media Discourse. *International Journal of Applied Exercise Physiology*, 2020, no. 9 (2), pp. 174–180. (In English)
22. Zytkova I. V. Cognitive factors regulating reproducibility of phraseological units in discourse: from linguistic creativity to experimenting in language. *Reproducibility and variation of figurative expressions: Theoretical aspects and applications*. Bialystok: University of Bialystok Publishing House, 2020. Pp. 121–143. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Водясова Любовь Петровна, профессор кафедры родного языка и литературы, Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева (430007, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11 А), доктор филологических наук, профессор.

LVodjasova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6767-6337

ABOUT THE AUTHOR

Vodyasova Lyubov Petrovna, Professor, Department of the Native Language and Literature, Mordovian State Pedagogical University (430007, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Studencheskaya Str., 11A), Doctor of Philological Sciences, Professor.

LVodjasova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6767-6337